

На правах рукописи

ЛЕВЧЕНКО ИННА АЛЕКСЕЕВНА

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ХУДОЖНИКА:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: Ахиджакова Марьет Пшимафовна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Карасик Владимир Ильич,
доктор филологических наук, профессор /
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина» /
кафедра общего и русского языкознания /
профессор

Ширяева Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет» / кафедра английского языка и
профессиональной коммуникации /
заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» (г. Краснодар)

Защита состоится «19» сентября 2022 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/4508/>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень разработанности проблемы. Интерес лингвистов к изучению автобиографической литературы в целом возникает на основании внимания к проблематике языковой личности, которая закономерно требует выявления лексических, семантических и прагматических маркеров ее речемыслительной деятельности. Однако исследований, посвященных изучению лингвистических параметров автобиографического дискурса, пока немного: таковы работы Л.М. Бондаревой (2006), Е.А. Ковановой (2005), О.Е. Ломовой (2004), посвященные изучению иноязычного дискурса, а также статьи С.В. Волошиной (2006; 2014), в которых представлена методология лингвистического анализа автобиографического текста и автобиографического дискурса. Автобиографический текст изучается также с позиций гендерной лингвистики (Д.В. Минец (2012)), прагмалингвистики и коммуникативной стилистики (В.В. Минзюкова (2011)), лингвистической поэтики (Н.А. Николина (2017)).

В научной парадигме литературоведения результаты изучения автобиографических произведений и осмысления теоретических основ таких исследований представлены в бóльшем количестве работ (Ю.П. Зарецкий (2009), И.В. Кабанова (2012), М. Медарич (1998), Ю.С. Павлова (2020) и др.). Литературоведение напрямую связывает специфику автобиографических текстов с самой природой памяти человека, с особенностями художественного вымысла, с субъективностью и эстетической когницией, позволяющими создать художественный мир, центром которого выступает биографическая личность самого автора мемуаров или дневников.

Автобиографическое текстово-дискурсивное пространство также представляет особый интерес и для искусствознания: в этом пространстве, по данным таких текстов, реконструируются не только мировой и общенациональный процесс развития того или иного вида искусства, но и индивидуальные смыслы художника, которые тот объективирует произведением искусства. При этом и в этой исследовательской сфере традиционно признается множественность интерпретаций произведений искусства и биографической личности художника, отличающихся исторической динамикой. Особый интерес в изучении творческой индивидуальности М. Шагала для формирования исследовательской концепции настоящей диссертации представляют работы Т.С. Зацарной (2011), М.Ю. Ковалёва (2010), М.Г. Смолиной (2018), Е.В. Шварёвой (2006).

Актуальность исследования обусловливается антропоцентризмом современной лингвистики, интересом к изучению репрезентации языковой личности в продуктах речемыслительной деятельности, а также потребностью гуманитарной парадигмы в разработке интерпретативных методик, позволяющих с известной долей объективности дифференцировать в автобиографическом дискурсе описываемые продуцентом реальные и

вымышленные факты, а также определить факторы, которые способствуют функционированию вымысла и «примысла» в автобиографических текстах. Изучение тексто-дискурсивного автобиографического пространства приобретает особую важность в аспекте формирования и транслирования культурных кодов и памяти культуры, что значимо для объективации смыслов культурного сознания эпохи, интерпретированных поливариативно. Биографические факты, первоначально субъективно истолкованные продуцентом автобиографического дискурса, в дальнейшем подвергаются истолкованиям современников и исследователей последующих лет. Поэтому изучение автобиографического дискурса в различных ракурсах приобретает особое значение в аспекте выявления достоверности / недостоверности и выяснения параметров субъективности и референциальной соотнесенности в его диалогической направленности.

Воспоминания художников, жизнь которых совпадает в своих хронологических рамках с переломными историческими событиями, представляют особый интерес с позиций изучения автобиографического дискурса. Особенности автобиографического дискурса Марка Шагала многообразно репрезентированы в его книге воспоминаний «Моя жизнь», впервые опубликованной в 1923 году. Текст этого документально-художественного произведения манифестирует сложное взаимодействие характеристик автобиографического и профессионального дискурсов, что, в свою очередь, позволяет обнаружить и описать компоненты индивидуально-авторской картины мира автора, актуализирующей синтез цветовых и зрительных образов в лексико-семантической объективации образа мира М. Шагала.

Объект исследования – автобиографическое тексто-дискурсивное пространство в его многоуровневой нарративной и концептуальной организации в индивидуально-авторской картине мира художника.

Предмет исследования – лингвокогнитивные и прагмасемантические особенности автобиографического дискурса М. Шагала в их нарративном и тезаурусном представлении.

Материалом исследования выступает автобиографический дискурс М. Шагала, репрезентированный в его книге «Моя жизнь» (первая публикация – 1923). Количество контекстов, проанализированных в процессе работы с целью выявления лингвокогнитивных и прагмасемантических маркеров рассматриваемого вида дискурса с позиций изучения компонентов языкового сознания художника и способов вербализации его индивидуально-авторской картины мира, – 419.

Гипотеза исследования. Лингвокогнитивная структура и прагмасемантическая организация автобиографического дискурса художника обуславливаются особенностями его языкового сознания, а также его личностным отношением к историческому времени: с одной стороны, для М. Шагала приоритетны родственные и этноконфессиональные связи, с другой, – автобиографический нарратив реализуется на основании повествования о

таких событиях, которые значительны не только для личностного контекста, но и для общеевропейской истории.

Цель работы состоит в выявлении и описании лингвокогнитивной и прагмасемантической специфики представления окружающей действительности и компонентов внутреннего мира художника (в частности, вербальных маркеров и вербализованных визуальных образов) в автобиографическом дискурсе М. Шагала как одного из ярких представителей изобразительного искусства XX в.

Поставленная цель определила комплекс **задач**:

- определить параметры выявления маркеров языкового сознания и нарратива в автобиографическом дискурсе;
- осуществить моделирование концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала;
- описать прагмасемантическую специфику репрезентации личностной, социальной и профессиональной идентичности языковой личности художника;
- определить лингвокогнитивные и прагмасемантические особенности нарратива и событийности в автобиографическом дискурсе М. Шагала.

Методы исследования: метод сплошной выборки, методы наблюдения и моделирования, описательно-аналитический метод, метод когнитивно-семантического анализа, контекстуальный анализ, лингвистическая интерпретация. Данные методы применялись к языковому материалу комплексно, что обусловлено спецификой автобиографического дискурса и тексто-дискурсивного пространства книги М. Шагала «Моя жизнь», в которой, в частности, репрезентированы вербальные маркеры концептосферы «память», особым образом манифестирующие нарративность и тезаурус языкового сознания художника в концептуальном поле его личностной, социальной и профессиональной идентичности.

Методологическая и теоретическая основа исследования детерминирована законами и принципами материалистической диалектики, в соответствии с которыми язык и мышление изучаются в диалектическом единстве, а языковая система предстает как динамическая сущность, которой свойственно постоянное развитие, обусловливаемое интра- и экстралингвистическими факторами.

Общенаучную методологию исследования образуют постулаты когнитивной лингвистики, прагматики и семантики (Р. Барт (2008, 2001), Л.С. Выготский (1999), Т.А. ван Дейк (2015), В.И. Карасик (1997), Ю.Н. Караулов (2003), Е.С. Кубрякова (2004) и др.), теории текста и дискурса (Н.Д. Арутюнова (1990), Р. Барт (1987), В.И. Карасик (2000а, 2000б), А.А. Кибрик (2002), М.Л. Макаров (2003), О.Ф. Русакова (2006, 2008) и др.), а также на концепции культуры и эстетики (Э. Кассирер (1998), К. Леви-Строс (2001), Ю.М. Лотман (2000), М. Элиаде (2010) и др.).

Частнонаучную методологию составляют концепции памяти в историческом, литературоведческом, социологическом и лингвистическом

аспектах изучения (Е.И. Баранчеева (2014), Н.Г. Брагина (2007), Л.Н. Голайденко (2012), М.А. Дмитриовская (1991), Анна А. Зализняк (URL, 2006), Е.С. Кубрякова (2008), Л.М. Ньюбина (2008), О.В. Шаталова (2005), Р. de Man (1979) и др.), постулаты теории нарратива (Л. Гриффин (2010), Е.В. Падучева (1996), В.И. Тюпа (1997, 2002, 2012, 2018), В. Шмид (2003), М. Эпштейн (2007)), работы по проблематике языкового сознания (Е.Ф. Тарасов (1996, 2000), Н.В. Уфимцева (2005), Т.Н. Ушакова (2004) и др.), идентичности (Л.И. Гришаева (2007), В.В. Красных (2007), Л.В. Енина (2010), О.А. Леонтович (2014)). Особое место в исследовательской концепции диссертации занимают работы в сфере изучения экфрасиса (К.А. Андреева (2016), Н.С. Бочкарева (2011), Н.В. Брагинская (1977), Л. Геллер (2002), В.А. Миловидов (2015), М. Рубинс (2003) и др.).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Автобиографический дискурс характеризуется сложной референциальной соотнесенностью с реальными событиями в жизни продуцента, а также в истории нации, что обуславливает определяющую роль в этом дискурсе интенциональности и специфики авторского языкового сознания, а также нарратива, который структурирует единичные события в целостное повествование посредством реализации в текстово-дискурсивном пространстве субъективности и неканонической коммуникативной ситуации, описываемой оппозицией «я сегодняшней / я вчерашней».

2. Концептосфера «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала включает опорные компоненты, образующие ее центр: таковы лексемы *память, воспоминание, вспоминать, помнить, впечатление*; субъективность, оценочность и эмоциональность являются наиболее значимыми характеристиками моделируемой концептосферы, воспоминания художника включены в ценностную картину мира продуцента автобиографического дискурса.

3. Прагмасемантические особенности репрезентации идентичности в автобиографическом дискурсе М. Шагала определяются доминантными для индивидуально-авторской картины мира категориями – это *душа* и *искусство*, репрезентирующие в текстово-дискурсивном пространстве результат самоидентификации личности в мире, неразрывной связью со своей нацией, родителями, другими родственниками, объективированными компонентами глуттонического и исторического (в этнокультурном масштабе) дискурсов, а также реализованной с помощью приема экфрасиса, объективирующего особое мировосприятие художника.

4. Автобиографический дискурс М. Шагала представляет собой сложный синтез и диалектическое взаимодействие тезаурусной и нарративной репрезентации жизненного пути художника: осознание самого себя в религиозной и этнокультурной парадигме, а также в координатах родственных связей определяет нарративную событийность внешнего и внутреннего миров, соотносимую с онтологической проблематикой.

Научная новизна диссертации. С позиций когнитивной лингвистики и прагмалингвистики уточнены концептуальные, лексико-семантические и

прагматические признаки автобиографического дискурса. В процессе исследования выявлены и описаны лингвокогнитивные и прагмасемантические признаки автобиографического дискурса художника, репрезентированные в его языковом сознании и актуализируемые нарративом и событийностью его воспоминаний, подвергнуты комплексному анализу репрезентанты личностной, социальной и профессиональной идентичности М. Шагала в их объективации в индивидуально-авторской картине мира, определены лингвокогнитивные доминанты концептосферы «память», коррелирующие с этно- и лингвокультурным контекстами повествования о событиях и переживаниях художника, воссозданных как в автобиографическом тексто-дискурсивном пространстве, так и в визуальных образах живописных полотен М. Шагала.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем вкладом, который оно вносит в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, социо- и прагмалингвистики; теория дискурса дополнена аргументацией в части квалифицирования автобиографического дискурса как сложного по своему характеру, сочетающего признаки личностно ориентированного и институционального дискурсов, художественного и документального, а также публицистического дискурсов, определены параметры выявления репрезентантов языкового сознания продуцента автобиографического дискурса в тексто-дискурсивном пространстве, а также прагматических маркеров нарратива и событийности в нем. Теоретически значимым является описание прагмасемантических характеристик идентичности языковой личности художника в автобиографическом дискурсе. Результаты проведенного исследования позволяют расширить представление о ценностных доминантах индивидуально-авторской картины мира художника, в том числе, на основании данных, полученных в процессе моделирования концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала.

Практическая значимость исследования заключается в возможном применении его результатов в теоретических и практических курсах по теории языка, по проблематике когнитивной лингвистики, социо- и прагмалингвистики, лингвистики текста и дискурса, лингвокультурологии, по проблемам изучения профессиональных и институциональных дискурсов в их исторической динамике, а также автобиографического дискурса в его различных видах и жанрах – от художественно-публицистического до официально-делового. Полученные в процессе изучения данные могут быть полезны в процессе преподавания вузовских курсов «Теория языка», «Лингвистический анализ текста», «Филологический анализ текста», «Теория коммуникации», в спецкурсах, посвященных проблемам нарратива и дискурсивности.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, на Международной научно-практической онлайн-конференции (Нукус, Узбекистан 2021), LVII Международной научно-

практической конференции (Москва 2022), Международной научно-практической конференции (Волгоград 2022).

По результатам исследования опубликовано 11 статей, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены аспекты степени разработанности темы исследования, обоснован ее выбор, выявлена актуальность исследования, сформулированы его объект и предмет, представлены цель и задачи исследования, его методологические основы, изложены основные положения, выносимые на защиту, отражены научная новизна исследования, его теоретическая значимость и практическая ценность, апробация диссертационной работы.

Глава первая **«Автобиографический дискурс в научной парадигме современной лингвистики»** посвящена рассмотрению основных концепций и методик анализа дискурса как объекта лингвистического исследования, также определены особенности репрезентации языкового сознания и прагматическая специфика нарратива в автобиографическом дискурсе.

Дискурс отражает процесс познания как последовательное взаимодействие восприятия, обработки и продуцирования информации в сфере нематериальной деятельности. В настоящем исследовании мы понимаем под дискурсом актуализированный текст, отличая его от текста как формальной грамматической структуры. Как и другие языковые единицы, дискурс характеризуется универсальными и «индивидуальными» свойствами. Универсальными признаками признаются цельность и связность, обнаруживаемые в непрерывной континуальности смыслов; хромотопичность дискурса манифестирована в восприятии пространственных и темпоральных отношений и их вербализации; также дискурсу свойственны информативность, интерсубъективность, интенциональность. Универсальные дискурсообразующие категории функционируют в тесном взаимодействии: целостность дискурса актуализирована в непрерывной смысловой связности его компонентов, связность манифестирована в его континуальности и подчинена законам формирования комплексных коммуникативных единиц языка. Традиционно выделяют глобальную и локальную связность. Глобальная связность обеспечивает единство темы (топик) дискурса, которая отличается от темы предикации, ассоциируемой с некоторой именной группой или обозначаемым ею предметом (референтом). Тема дискурса трактуется как пропозиция (понятийный образ некоторого положения дел), как то, о чем идет речь в дискурсе. Локальная связность дискурса является совокупностью отношений минимальных дискурсивных единиц и их частей. «Индивидуальные» свойства необязательны для всех видов дискурса, к ним относимы, прежде всего, авторитетность и прецедентность.

Гуманитарная научная парадигма, обращаясь к изучению автобиографических текстов, использует разные термины: эгодокументы, автопсихологизм, автобиографизм, автобиографический дискурс и пр. Для нашей исследовательской концепции релевантен термин автобиографический дискурс, позволяющий выявить и описать специфику автобиографического текста, созданного художником. Автобиографический дискурс представляет собой персональный открытый монологический устный или письменный дискурс (с возможным проявлением черт институциональных типов дискурса); для него свойственны автореферентность, особая пространственно-временная организация, ярко выраженное личностное начало, отсутствие повествования о будущем, постоянное соотнесение настоящего и прошлого, субъективного и объективного, основной коммуникативной стратегией которого является самопрезентация, а основными составляющими концептосферы – «жизнь» и «память».

Сложная референциальная соотнесенность с авторской биографией и реальными событиями в его жизни, а также в истории нации обуславливает многоуровневость корреляций с образом автора в автобиографическом дискурсе, которая через различные эпизоды манифестирует связь с фактами индивидуальной (в том числе, и психологической, не проявляемой внешне вовсе или манифестируемой опосредованно) и социальной жизни субъекта повествования. Взаимодействие этических, идеологических, психо-эмоциональных и других особенностей образа автора с фактами жизни конкретной биографической личности происходит в автобиографическом дискурсе в координатах системы персонажей, композиции, маркерах индивидуально-авторского стиля, в репрезентации реальных и/или вымышленных событий жизни продуцента дискурса.

Авторская интенциональность и особенности авторского языкового сознания – вот те аспекты, без реконструкции и анализа которых невозможно адекватное декодирование ценностно-смыслового пространства автобиографического дискурса. Актуальность изучения языкового сознания художника определяется изучением в парадигме современной лингвистики языкового сознания в целом: особый интерес представляет сопоставление в языковом сознании художника двух семиотических систем – искусства слова и живописи, которые выражены в автобиографическом дискурсе многопланово. Поэтому автобиографический дискурс – ценный источник изучения не только самой биографии художника, но и процесса житнетворчества, свойственного, в частности, искусству модерна.

Для автобиографического дискурса характерен автобиографический нарратив, упорядоченно структурирующий единичные события жизни субъекта повествования в осмысленную целостность. Нарративная природа всех текстов, относимых к автобиографическому текстово-дискурсивному пространству, позволяет применять к ним критерии нарративности: таковы критерии субъективности, неканонической коммуникативной ситуации, дистанции во времени и в пространстве между повествователем и

изображаемым им миром, потенциально формулируемой в виде оппозиции «я сегодняшний / я вчерашний».

С позиций дискурсивного подхода память как основополагающая составляющая концептосферы автобиографического дискурса рассматривается на основании прошлого личностного опыта субъекта повествования, в ракурсе особенностей организации этого опыта, а также в рамках дискурсивного структурирования и возможности его реконструкции языковыми средствами. Память предстает и как фактор текстопорождения, способствующий выявлению интегральных и дифференциальных свойств вербализации опыта субъекта в мнемических механизмах, которые актуализированы в различных видах дискурса.

Для нашей исследовательской концепции приобретает особую важность и нарративный подход, т.к. сложно организованные в пространстве автобиографического дискурса референтность и подтекст определяют гипотетическую непреднамеренность авторских интенций, которые могут быть непротиворечиво описаны как структурные элементы нарратива. Принципиально важным в этой связи оказывается соотношение в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве принципов исторического и художественного (литературного) нарративов. Построение исторического нарратива на основании осмысления событий и оценки фактов детерминирует фабульно-сюжетные интерпретации на основании стереотипных мифо-идеологических моделей эпохи, однако в историческом нарративе присутствует вторичное выделение события из предшествующих нарративных источников с допустимой критикой этих источников и их переосмыслением. В историческом нарративе события и их оценка даны уже с определенных позиций, при этом сопровождаясь домыслом и примыслом, не являющимися вымыслом в полном смысле слова. Если же коммуникативная стратегия исторического нарратива деконструируется посредством прямого вымысла, мы имеем дело с трансформацией исторического дискурса в дискурс беллетристики.

Автобиографический дискурс в своей документально-художественной форме сложен по своей природе именно потому, что его событийность может факультативно включать факты, которые, однако, могут быть подвергнуты в процессе своего воссоздания вымыслу, что является прямым следствием включения в автобиографическое дискурсивное пространство элементов художественного нарратива. В то же время личность продуцента автобиографического дискурса включена в исторический и социокультурный процесс, что обуславливает функционирование исторической событийности и конкретных фактов, подвергаемых домыслу и примыслу, в том числе, и вне авторских намерений и интенций. Осмысление последовательности исторических фактов происходит в автобиографическом дискурсе с позиций идеологической, мифологической и даже художественной фабульно-сюжетной модели.

Во второй главе «Автобиографический дискурс М. Шагала в лингвокогнитивном и прагмасемантическом аспектах» представлены

результаты моделирования и описания концептосферы «память», описана прагматика идентичности, рассмотрены нарративная когнитивность и прагматика событийности в автобиографическом дискурсе художника.

В дискурсивной парадигме память трактуется как когнитивно-ментальная деятельность человека, которая направлена на обработку и интерпретацию личностного опыта, а сам дискурс, который является результатом такой деятельности, изучается как вербализация этого индивидуального опыта. Изучение памяти в лингвокогнитивном аспекте обуславливает обращение к понятиям концепта и концептосферы, а основным способом концептуализации памяти является метафоризация. Для лингвистики важно также и рассмотрение воспоминания в качестве когнитивно-мнемонической структуры, неизбежно динамической во времени: так, относимое к недавнему прошлому непосредственное воспоминание и вторичное воспоминание как репродукция, близкая по своему характеру к воображению, различны по своим характеристикам. В автобиографическом дискурсе память образует целостную концептосферу.

В автобиографическом дискурсе М. Шагала концептосфера «память» включает опорные компоненты, образующие ее центр: лексемы *память*, *воспоминание*, *вспоминать*, *помнить*, *впечатление*, что позволяет также рассматривать контексты, в которые эти лексемы включены, как мнемические. Наиболее значимыми характеристиками концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала следует признать ее субъективность, оценочность и эмоциональность, а сами воспоминания включены в ценностную картину мира художника.

В процессе анализа языкового материала было установлено, что лексема *память*, составляющая ядро одноименной концептосферы, репрезентирована в автобиографическом дискурсе крайне редко. По всей видимости, это связано с тем, что для автора – память не статичная сущность, не результат, а процесс. Например: «Зеленые заросли. Здесь ваши могилы. Ваши надгробия. Заборы, мутная речка, утоленные молитвы – все перед глазами. Слова не нужны. Все во мне: то *притаится*, то *зашевелится*, то *взметнется*, как *память* о вас». В приведенном контексте лексема *память* включена в состав сравнительного оборота, при этом основная часть высказывания отражает динамику воспоминания и мышления продуцента автобиографического дискурса (*притаится*, *зашевелится*, *взметнется*). Кроме того, визуальный образ, пейзаж, к которому прибегает автор для создания целостного образа воспоминания, позволяет связать зрительные впечатления с процессом воспоминания, что, разумеется, значимо для самого художника.

Нами обнаружен всего один контекст, в котором автор автобиографического дискурса использует языковую метафору в значении ‘память – отпечаток’ (выделена курсивом): «Бакст произнес спасительные слова: испорчен, но не окончательно. Скажи это кто-нибудь другой, я бы и внимания не обратил. Но авторитет Бакста слишком велик, чтобы пренебречь его мнением. Я слушал стоя, трепетно ловя каждое слово, и неловко сворачивал листы бумаги и холсты. *Эта встреча никогда не изгладится из*

моей памяти». Для М. Шагала мнение Л. Бакста бесценно, хотя живопись этого художника ему и не близка. Именно поэтому к мнению Бакста Шагал прислушивается, обретая еще большую уверенность в своем творческом потенциале. Клишированная метафора, употребляемая автором, направлена на усиление воздействия данного высказывания на читателя.

Наиболее важным в восприятии памяти следует считать следующее контекстуальное употребление данной лексемы (выделено курсивом): *«Моя память обожжена. Я написал твой портрет, Давид. Ты смеешься во весь рот, блестят зубы. В руках – мандолина. Все в синих тонах. Ты покоишься в Крыму, в чужом краю, который пытался перед смертью изобразить, глядя из больничного окна. Сердце мое с тобой»*. Здесь М. Шагал вспоминает о своем брате, умершем от туберкулеза, тоскует по нему. Эмоциональность памяти художника репрезентирована в данном контексте высказыванием *Сердце мое с тобой*.

В автобиографическом дискурсе художника глаголы *вспоминать* и *вспомнить* занимают одно из важных мест, поскольку они отражают особенности восприятия процессов, происходящих в окружающей действительности и внутреннем мире. Разумеется, в тексте обнаруживаются такие контексты, в которых воспоминание приходит внезапно, и тогда автор использует глагол совершенного вида *вспомнить*. Часто в таких случаях он сопровождается атрибутивами, например (выделено курсивом): *«Сердце мое всегда сжимается, когда во сне увижу матушкину могилу или вдруг вспомню: нынче день ее смерти»*.

Свое решение серьезно заняться живописью автор воспринимает в своем воспоминании как пришедшее неожиданно, но вовремя (выделено курсивом): *«И тут же я вспомнил, что действительно видел где-то в нашем городке большую, как у лавочников, вывеску: «Школа живописи и рисунка художника Пэна». Жребий брошен. Я должен поступить в эту школу и стать художником. Тогда конец маминым планам сделать из меня приказчика, бухгалтера или, в лучшем случае, преуспевающего фотографа»*. Интересно, что призвание осознается М. Шагалом как долженствование (*Я должен поступить в эту школу и стать художником*), однако автор сожалеет о том, что не оправдает материнские надежды (*сделать из меня приказчика, бухгалтера или, в лучшем случае, преуспевающего фотографа*). Такое неожиданно приходящее воспоминание может быть связано у продуцента автобиографического дискурса и с осознанием своих способностей к живописи как переданных по наследству, например: *«Вообще люблю лежать, уткнувшись в землю, шептать ей свои горести и мольбы. Я вспомнил своего далекого предка, который расписывал синагогу в Могилеве. И заплакал»*.

Концептосфера «память» включает также имплицитные маркеры аполитичности мировоззрения и философской направленности сознания М. Шагала, которые функционируют в контекстах с помощью скрытой ситуативной иронии.

Значительность размышлений о призвании художника, составляющих семантический центр автобиографического дискурса, акцентирована у М.

Шагала помещением таких высказываний в контекст традиционного богослужения, например: «Когда же он <дед во время молитвы> плачет, я *вспоминаю* свой неоконченный рисунок и думаю: может, я великий художник?». В следующем контексте «Я вспоминал, как поет дедушка-кантор. Вспоминал колесико и струйку масла и невольно всхлипывал, и *мне хотелось забиться в самый дальний угол, за занавеску, уткнуться в мамин подол*» автор вводит в пространство религиозных традиций еще одну ведущую тему всего автобиографического дискурса М. Шагала – любовь к матери, привязанность к ней (*мне хотелось забиться в самый дальний угол, за занавеску, уткнуться в мамин подол*).

Воспоминания продуцента автобиографического дискурса приобретают длительный характер, если художник переживает позитивные эмоции, например: «Друзья, *вспоминая вас, я уношусь в блаженные края*. Вас окружает ослепительное сияние. Будто поднимается ввысь стая белых чаек или вереница снежных хлопьев». Вербальные маркеры концептосферы «память» (выделено курсивом) связаны с образами света, птиц, снега и тесно взаимодействуют с ними (*Вас окружает ослепительное сияние. Будто поднимается ввысь стая белых чаек или вереница снежных хлопьев*).

Эмотивы с положительной коннотацией представлены частотно в таких контекстах, которые репрезентируют воспоминания о личностях, сыгравших позитивную роль в судьбе художника. Если процесс воспоминания приводит художника к образам тех, кто совершил какие-либо отрицательные поступки в отношении него, М. Шагал дистанцируется от таких людей. Также концептосфера «память» включает и идею судьбы, особенности которой обусловлены в языковом сознании М. Шагала традиционными ценностями иудаизма и еврейской национальной культуры.

Автобиографический дискурс М. Шагала диалогичен, что подтверждается репрезентацией компонентов концептосферы «память» посредством употребления прямых обращений к родным и близким, а также к читателям, например: «Ах, мама! Я разучился молиться и все реже и реже плачу. Но душа моя помнит о нас с тобой, и грустные думы приходят на ум. Я не прошу тебя молиться за меня. Ты сама знаешь, сколько горестей мне суждено. *Скажи мне, мамочка, утешит ли тебя моя любовь, там, где ты сейчас: на том свете, в раю, на небесах? Смогу ли дотянуться до тебя словами, обласкать тебя их тихой нежностью?*». Отметим, что в данном фрагменте автор опирается на метафорическую конструкцию при создании ситуации воспоминания (*душа моя помнит о нас с тобой*); кроме того, воспоминание о матери и память о ней всегда связаны для М. Шагала с нежностью, утешением, любовью, лаской (*Скажи мне, мамочка, утешит ли тебя моя любовь, там, где ты сейчас: на том свете, в раю, на небесах? Смогу ли дотянуться до тебя словами, обласкать тебя их тихой нежностью*).

Лексема *впечатление* также входит в состав ядерной зоны концептосферы «память» по причине узуально закрепленного метафорического понимания памяти как отпечатка, а впечатления – как первого шага к фиксированию в памяти образов и результатов процессов,

например: «Смешно. Зачем ворошить старье? Ни слова больше о друзьях и недругах. И без того их лица намертво *врезались мне в память*». Языковая метафора *врезались мне в память* коррелирует с понятием впечатления как единомоментного, но оставляющего глубокий след в сознании, который сохранен в картинах М. Шагала и воспринимается зрителем, – то впечатление, которое формирует когнитивный фундамент творчества и памяти художника.

Лексема *время* и ее производные также включены нами по данным автобиографического дискурса М. Шагала в состав репрезентантов концептосферы «память», поскольку время как основополагающая категория органически связана с памятью, воспоминанием и способностью помнить. Лексема *время* употребляется в сочетании с указательными местоимениями, потому что М. Шагала стремится отчетливо обозначить временную дистанцию, возникающую между событиями прошлого и моментом создания автобиографического текста, например: «В *те времена* еще не было кино. Люди ходили только домой или в лавку». Безусловно, приведенный фрагмент вполне отчетливо характеризует время детства художника, который родился в 1887 году, и Витебск, родной город художника, в который кинематограф пришел явно не в год своего изобретения, 1895, а гораздо позднее этого времени.

Концептосфера «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала репрезентирована также в таких контекстах, в которых не представлены вербальные маркеры ядерной зоны: например, художник характеризует факты общественной и культурной жизни 1910-х – 1920-х годов. Так, основной принцип творчества для М. Шагала – это полная свобода во всем, поэтому собрания художников, с его точки зрения, абсурдны, т.к. они отнимают время от занятий настоящим искусством, например: «Собраний было много. Собрание под председательством Луначарского, посвященное международному положению. Театральное собрание, собрание поэтов, собрание художников. Какое выбрать?». Продуцент автобиографического дискурса имплицитно в данном контексте ироническую оценку происходящего, что манифестировано высказываниями *Собраний было много – Какое выбрать?* Концептосфера «память» характеризуется субъективно переживаемым временем, в котором функционирует воспоминание как реконструкция события.

Прагматическая автобиографического дискурса М. Шагала изучена нами с позиций реализации в нем социальной и личностной идентичности. Идентичность языковой личности – это не статичная ее характеристика, а приобретаемая в процесс идентификации, поэтому идентичность не представлена в дискурсе в готовом виде. Собственная идентичность формируется автором в перформативных высказываниях. В соответствии с этим постулатом идентичность рассматривается как некий промежуточный итог идентификации – процесса, протекающего при участии различных дискурсивных практик. Автобиографический дискурс М. Шагала представляет особый интерес не только в качестве событийной фактографической канвы, но и является источником изучения сущностной

природы его живописи и мировидения, фундамента его жизнетворчества и процесса обретения художником личностной, этнокультурной, социальной и профессиональной идентичности.

В картине мира М. Шагала доминантными являются онтологические для художника категории – *душа* и *искусство*, которые отражают результат самоидентификации личности в мире. Объективная реальность для М. Шагала не имеет определяющего значения, тогда как существенен скрытый символизм всего сущего, в котором творческая личность прозревает смысл бытия, например: «И только там нет фальши, где *душа* сама, *стихийно*, достигает той ступени, которую принято называть *литературой, иррациональностью*. Я имею в виду не старый *реализм*, не *символический романтизм*, который принес мало нового, не *мифологию*, не *фантасмагорию*, а... а что же, Господи, что же?». Необходимо отметить в приведенном макроконтексте открытую авторскую субъективность, которая эксплицирована посредством употребления первого лица и риторическим вопросом. Также онтологический статус темы данного высказывания аргументирован обращением его продуцента к целому ряду эстетических феноменов и отсылками к философским понятиям, видам и направлениям искусства (*душа, стихийно, ступени, литературой, иррациональностью, реализм, символический романтизм, мифологию, фантасмагорию*). Немаловажное значение имеет и общий полемический характер высказывания, который эксплицирует не только диалог с самим собой, но и осмысление художником динамики развития современного ему искусства (*Я имею в виду не старый реализм, не символический романтизм, который принес мало нового...*).

Прагмасемантика идентичности личности М. Шагала определяется его связью со своим этносом, родителями, другими родственниками, которая никогда не прерывалась: художник всегда ощущал себя частью еврейской общины. В автобиографическом дискурсе М. Шагала обнаружены многочисленные контексты, позволяющие судить о значимости той национальной почвы и семейных основ, которые помогли ему стать художником. Наиболее значимым структурно-семантическим компонентом автобиографического дискурса, способствующим реализации индивидуальной и социальной идентичности М. Шагала, является материнская любовь. Так, например, в следующем контексте предчувствия матери описаны как всегда оправдывающиеся (*И точно — кто-нибудь из нас заболел*): «Накануне наших болезней маме всегда снился вещий сон. Ночь. Зима. Дом спит. И вдруг покойная бабушка Хана со стуком захлопывает снаружи форточку и говорит: «Почему, дочь моя, ты оставляешь открытым окно в такой холод?» Или еще: какой-то старик, выходец с того света, весь в белом, с длинной бородой, является в дом. Стоит на пороге и просит подаяния. Я протягиваю ему кусок хлеба. А он молча бьет меня по руке. Хлеб падает на землю. «Хазя, – говорит матушка, просыпаясь, – пойдика взгляни на детей». *И точно – кто-нибудь из нас заболел*». В этом фрагменте сама отсылка к снам матери также фиксирует индивидуальную и этнокультурную идентичность художника: дар предвидения и умение толковать свои

сновидения всегда ценились во всех культурах с длительной историей.

Принадлежность к национальной культуре и, как следствие, репрезентанты этнокультурной и социальной идентичности, маркированы в автобиографическом дискурсе М. Шагала компонентами глуттонического дискурса: введение в контексты упоминаний о блюдах еврейской кухни, прежде всего, таких, которые имеют сакральное значение, и их употребление приурочено к конкретным религиозным праздникам, составляют одновременно и значимую часть национальной картины мира. Для автора автобиографического дискурса особое значение приобретает не только связь глуттонического дискурса с национальными традициями, но и с историческим прошлым этноса: «Ни маца, ни пасхальный хрен — ничто не волнует меня так, как строки и картинки Агады, да еще полные бокалы красного вина. Так и хочется выпить их все. Но нельзя. Мне кажется, что в папином бокале вино еще краснее. *В нем отблеск темной королевской лилии, мрак «гетто» — удел еврейского народа, и жар Аравийской пустыни, которую прошел он ценою стольких мук*». Для М. Шагала история еврейского народа воплощена в культурных кодах и ассоциативных комплексах, воскрешающих в памяти вполне конкретные лингвокультурные маркеры визуального и процессуального характера (маркеры выделены курсивом).

Вербальные маркеры профессиональной идентичности художника имеют разноуровневую прагматическую принадлежность, однако наиболее показателен в этом отношении реализуемый М. Шагалом прием экфрасиса, транслирующий специфику и мировосприятия мира художником. Экфрастическое представление произведений живописи в автобиографическом дискурсе М. Шагала характеризуется референциальностью и одновременно субъективностью, граничащей с художественным вымыслом, например: «Вы когда-нибудь видели на картинах флорентийских мастеров фигуры с длинной, отроду не стриженной бородой, темно-карими, но как бы и пепельными глазами, с лицом цвета жженой охры, в морщинах и складках? Это мой отец». В приведенном макроконтексте отсылка к существующим живописным полотнам итальянских художников (по всей видимости, Предвозрождения и Ренессанса) дополнена личными впечатлениями М. Шагала, при этом получается как бы наложение детского опыта на опыт художника, знающего историю живописи (маркеры выделены курсивом). Представляется, что ключевым словом, эксплицирующим личное, субъективное восприятие реального человека в двух системах координат — обыденности и искусства — является лексема *отроду*. Применительно к живописи и литературе экфрасис трансформирует приемы и средства изобразительного искусства в вербализованную форму, которая функционирует в художественном произведении.

Закономерно обращение в описании близких обращение у М. Шагала к созданию портретов, например: «Один Рембрандт мог бы постичь, о чем думал этот старец <дед художника> — мясник, торговец, кантор, — слушая, как сын играет на скрипке перед окном, заляпанным дождевыми брызгами и следами

жирных пальцев». Семантическое пространство автобиографического дискурса художника характеризуется отсылками к истории живописи – к творчеству великого голландского художника Рембрандта (1606 – 1669), что принципиально важно и закономерно, т.к. для М. Шагала он – непререкаемый авторитет.

Также весьма показателен и следующий макроконтекст: «А тетушки Муся, Гутя, Шая! Крылатые, как ангелы, они взлетали над базаром, над корзинками ягод, груш и смородины. Люди глядели и спрашивали: «Кто это летит?»». Представляется, что здесь имплицированы особенности картин самого М. Шагала, зачастую изображающих летящих людей. Это именно та важная составляющая образа мира художника, которая в ряду некоторых других объективирует индивидуально-авторский стиль его живописных произведений.

Вербальная репрезентация жизни в автобиографическом дискурсе может быть рассмотрена как постоянное пересечение двух ее осей – тезауруса и нарратива: нарратив способен репрезентировать определенную часть тезауруса, манифестируя и языковую картину мира личности через ключевые слова и концептосферы, которые посредством таких ключевых слов организованы. С другой стороны, нарративы включены в тезаурус и способны иллюстрировать компоненты языковой картины мира. Как временной срез жизненного потока, нарратив сопряжен с языковым сознанием, что позволяет отразить в этом континууме некое содержание жизни, которое представлено в этих компонентах.

Автобиографический дискурс М. Шагала, компоненты которого обнаруживаются в книге «Моя жизнь», является сложным синтезом тезаурусного и нарративного представления жизненного пути художника: это одновременно и вербализация событий, происходивших с М. Шагалом, и репрезентация понятийных и ценностных доминант, которые образуют собственно индивидуально-авторскую картину мира и отражают языковое сознание автора воспоминаний.

Важным аспектом нарратива является сам акт рассказывания: прагматика событийности неотделима от тех речемыслительных усилий, которые предпринимает субъект повествования при создании автобиографического дискурса. Анализ материала исследования показал, что в автобиографической книге М. Шагала широко представлены контексты, включающие лексемы *рассказать*, *рассказ* и производные от них. Так, память о родственниках, об их поступках, о собственном младенчестве и раннем детстве художника репрезентирована в таких высказываниях, в которых также представлена отсылка к чьему-либо рассказу, – это «нарратив в нарративе», имеющий сложную структуру, а позиция повествователя в отношении события обнаруживается в таком случае через мнение об этом факте с позиций другого рассказчика, не являющегося продуцентом автобиографического дискурса, например: «*Не помню кто, скорее всего, мама рассказывала, что как раз когда я родился – в маленьком домике у дороги позади тюрьмы на окраине Витебска вспыхнул пожар. Огонь охватил весь город, включая бедный*

еврейский квартал». Высказывание *не помню кто, скорее всего, мама рассказывала* содержит маркеры ирреальной модальности, которая придает данному фрагменту определенный оттенок недостоверности при отсылке к авторитетному рассказчику – матери художника. Таким образом, адресат автобиографического дискурса получает возможность выбора относиться к сообщаемому как к реально произошедшему либо как к семейной мифологизации события. При том, что бедствия настигают семейство Шагалов довольно часто, и жизнь их никогда не была простой и благополучной во всем, это высказывание в общем контексте воспоминаний читатель склонен считать вполне правдоподобным.

Нарратив в автобиографическом дискурсе М. Шагала закономерно включает не только события обыденной жизни, но и события внутреннего мира, к которым необходимо отнести возникновение философских вопросов онтологического свойства и размышление над ними в течение жизни. Так, пришедший за советом к великому раввину Шнеерсону (Й.Й. Шнеерсон (1880 – 1850)) М. Шагал задается и вопросами, которые обнаруживают его интерес к иным конфессиям и другим культурам, например: «Спросить бы: правда ли, что, как сказано в Библии, израильский народ избран Богом? Да узнать бы, что он думает о Христе, чей светлый образ давно тревожил мою душу. Но я выхожу, не обернувшись». Отношение к христианству весьма показательно отражено в данном фрагменте: художника волнуют многие проблемы, затронутые в Библии, и он размышляет о личности Христа (*чей светлый образ давно тревожил мою душу*).

Прагматика нарратива определяется в автобиографическом дискурсе М. Шагала и индивидуально-авторским отношением к историческому времени: так, повествуя о событиях своей жизни, художник останавливается особо на тех, которые помещены не только в контекст жизни личности, но также обладают особой значимостью для европейской истории. Если художник проявляет эмоциональность, то и конкретное историческое событие или целый ряд таких сменяющих друг друга событий становятся нарративными, участвуя в структурировании автобиографического дискурса, например: *«На Россию надвигались льды. Ленин перевернул ее вверх тормашками, как я все переворачиваю на своих картинах. Мадам Керенский бежал. Ленин произнес речь с балкона. Все съехались в столицу, уже алят буквы РСФСР. Останавливаются заводы. Зияют дали. Огромные и пустые. Хлеба нет. Каждое утро у меня сжимается сердце при виде этих черных надписей»*. В приведенном контексте неслучайна метафора *На Россию надвигались льды*, которая, разумеется, отсылает читателя не только к реальному времени (Октябрьская революция совершена в канун наступающих холодов), но и, прежде всего, к тому международному положению, в котором страна оказалась в результате революционных событий. Сравнение деятельности В.И. Ленина и творческого метода самого М. Шагала говорит, скорее, не о согласии художника с идеологией нового правительства большевиков, а о том обескураживающем для художника впечатлении, которое оставляют действия новой власти: *Ленин перевернул ее вверх тормашками, как я все*

переворачиваю на своих картинах. Необходимо также подчеркнуть, что известное всем бегство А.Ф. Керенского, переодетого в женское платье, вносит определенный комизм и эксплицируют своеобразное чувство юмора автора книги «Моя жизнь» (*Мадам Керенский бежал*). Вторая часть приведенного контекста свидетельствует о тесной связи визуального восприятия окружающей действительности и речемыслительной деятельности продуцента автобиографического дискурса (*алеют буквы; останавливаются заводы; зияют дали*). Авторская эмоциональность манифестирована в данном контексте в высказывании *Каждое утро у меня сжимается сердце при виде этих черных надписей.*

Событие в автобиографическом дискурсе М. Шагала приобретает нарративный характер, если потенциально его можно соотнести с аксиологической картиной мира художника, с его пониманием нравственности, духовности и сущности искусства. Универсальной мерой для М. Шагала в этом является необходимость творчества, а творческие откровения, доступные художнику, – это нарративные события, представленные в автобиографическом дискурсе как результат упорного труда. Безусловно, наиболее важными событиями для отражения в автобиографическом дискурсе, а значит, и в личностном нарративе М. Шагал считает те, которые связаны с его живописью, с творческими возможностями, которые открывает случай или новая историческая эпоха, например: «Мне предложили расписать стены в зрительном зале и исполнить декорации для первого спектакля. *«Вот, — думал я, — вот возможность перевернуть старый еврейский театр с его психологическим натурализмом и фальшивыми бородами. Наконец-то я смогу развернуться и здесь, на стенах, выразить то, что считаю необходимым для возрождения национального театра».* Действительно, событийным центром в данном контексте выступает даже не сам факт осуществленной росписи зрительного зала, а эмоциональное отношение художника к самому замыслу (выделено курсивом). Сама идея возрождения национального театра, новаторские решения сценического пространства и убранства зрительного зала, возможность внесения в театральное действие собственного понимания сути национального миропонимания вне традиционных средств, – вот то, что вдохновляет М. Шагала и, соответственно, делает данное событие нарративным, потенциально возможным к рассказыванию, личностно значимым.

В ходе анализа языкового материала установлено, что прагматика событийности в автобиографическом дискурсе художника обусловливается спецификой его языкового сознания. Тезаурус языкового сознания, диалектически связан с когнитивностью нарратива: он включает родственные связи, осознание художником религиозной и этнокультурной традиций, что закономерно характеризует его языковую личность. Эти компоненты воплощаются посредством языка и визуальных образов, которые воссозданы на картинах разных периодов творчества М. Шагала, отсылки к которым представлены в тексте книги «Моя жизнь».

В **Заключении** обобщены результаты исследования и определены его перспективы.

Автобиографический дискурс художника был изучен нами на материале книги воспоминаний М. Шагала «Моя жизнь», содержащей репрезентативный материал в необходимом для нашего исследования ракурсе. По данным анализа текста была осуществлена реконструкция концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала, центр которой образуют опорные лексические компоненты *память, воспоминание, вспоминать, помнить, впечатление*. На основании проведенного анализа с позиций дискурсивного и лингвокогнитивного подходов были выявлены облигаторные характеристики концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала: таковы субъективность, оценочность и эмоциональность.

Прагмасемантика автобиографического дискурса М. Шагала изучена нами с позиций реализации в нем социальной и личностной идентичности. Доминанты индивидуально-авторской картины мира М. Шагала – онтологические категории *душа* и *искусство*, отражающие результат самоидентификации личности в мире. Художник не считает реальную действительность определяющей в плане формирования его мирозерцания, однако для него существенен скрытый символизм всего сущего, в котором творческая личность прозревает смысл бытия. Прагмасемантика идентичности личности М. Шагала определяется его связью со своим этносом, родителями (прежде всего, с матерью), другими родственниками, которая никогда не прерывалась: художник всегда ощущал себя частью еврейской общины, что способствовало его становлению как художника.

Перспективы настоящего исследования заключаются в возможности изучения автобиографического дискурса представителей различных социальных групп и профессиональных сообществ с целью выявления специфики тезауруса их языкового сознания и нарратива. Также плодотворным может стать моделирование концептосферы «память» по данным различных видов профессионального и институционального дискурса, эвристический потенциал которого обусловлен антропоцентризмом современной лингвистики и потребностью изучения «человека в языке».

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах перечня ВАК:

1. Левченко И.А. Семантическое пространство автобиографического дискурса художника: основные особенности организации / И.А. Левченко // Вестник Пятигорского государственного университета. – № 4. – Пятигорск, 2021. – С. 202-205 (0,5 п.л.).

2. Левченко И.А. Репрезентация языкового сознания художника в автобиографическом дискурсе / И.А. Левченко, М.П. Ахиджакова // Гуманитарные и социальные науки. – № 4 (87). – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 146-155 (1,25 п.л.).

3. Левченко И.А. Нарратив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации / И.А. Левченко //

Гуманитарные и социальные науки. – № 2 (91). – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 53-59 (0,9 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Левченко И.А. Прагматика событийности нарративного пространства в автобиографическом дискурсе М. Шагала / И.А. Левченко // Международный научный журнал Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 52 (394). – С. 345-348 (0,25 п.л.).

5. Левченко И.А. Репрезентация лингвокреативного потенциала языкового сознания в индивидуально-авторской картине мира художника / И.А. Левченко // Интернаука: электронный научный журнал. – № 47(223). Часть 2. – М., Изд. «Интернаука», 2021. – С. 91-93 (0,2 п.л.).

6. Левченко И.А. Лингвокогнитивный анализ способов реализации семантического пространства автобиографического дискурса М. Шагала / И.А. Левченко // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: Материалы LVII международной научно-практической конференции. – Москва: № 3(57). – М., Изд. «МЦНО», 2022. – С. 72-81 (0,6 п.л.).

7. Левченко И.А. Способы вербализации в изучении формирования идентичности личности в автобиографическом дискурсе художника / И.А. Левченко // Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал № 4(94). – М., Изд. «МЦНО», 2022. – С. 44-47 (0,25 п.л.).

8. Левченко И.А. Репрезентация концептосферы «память» в автобиографическом дискурсе М. Шагала / И.А. Левченко // Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства. – Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Андрея Владимировича Олянича. ИПК ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ «Нива», Волгоград, 2022. – С. 200-206 (0,4 п.л.).

9. Левченко И.А. Дискурсивный подход изучения концептосферы «память» в когнитивно-ментальной деятельности человека / И.А. Левченко // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания: электронный научный журнал. – № 39. – Воронеж: Изд. «ООО "Правиа Групп"», 2022. – С. 491-498 (0,5 п.л.).

10. Левченко И.А. Типологический аспект автобиографического дискурса / И.А. Левченко // Система образования в условиях электронной образовательной среды: проблемы и решения. – Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции. г. Нукус, Узбекистан, 2021. – С. 230-233 (0,25 п.л.).

11. Левченко И.А. Лингвосемиотический принцип типологизации автобиографического дискурса / И.А. Левченко // Интернаука: электронный научный журнал. – № 24(247). – М., Изд. «Интернаука», 2022. – С. 85-90 (0,4 п.л.).